

АКАДЕМИЧЕСКАЯ СРЕДА

АКАДЕМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ УНИВЕРСИТЕТОВ

№ 10 (72), 2019

ОКНА РОСТА
АКАДЕМИЧЕСКОГО

ПРИЛОЖЕНИЕ К ИНФОРМАЦИОННОМУ БЮЛЛЕТЕНЮ

Академическое чтиво. Часть 7

В новом выпуске «Академической среды» о значимых для себя книгах рассказывают
Владлен Тиморин, Алексей Вдовин и Роман Гуляев.

Художественная книга

Владлен Тиморин, декан факультета математики, профессор базовой кафедры Математического института имени В.А. Стеклова РАН

Шекспировский «Гамлет» в переводе Пастернака. Эта книга попалась мне в детстве. Привлекла острым сюжетом и особым трагизмом – очень легко было мысленно поставить себя на место Гамлета и испытать его чувства. Но не совсем его чувства – его чувства слишком сильные, – свои чувства на месте Гамлета. К моменту окончания школы мы с одноклассниками поставили «Гамлета» на школьной сцене. Нам помогал учитель, бескорыстно отдавший этой безумной затее свои вечера и даже ночи. Разумеется, мы не были профессиональными актерами, но мы и не играли. Для нас это было очень серьезно – мы жили и умирали. И делали свой выбор. В другом мире, другом измерении. Я долго помнил текст «Гамлета» наизусть. Теперь забыл, помню только отдельные реплики. И давно не перечитывал. Все равно история Гамлета или отдельные ее куски всплывают время от времени и наполняются новым содержанием. Это рамочная история про условный мир, какой-то совсем древний, полный ахронизмов. И в этом мире живет современный человек, почти «попаданец». Для него сама необходимость существовать в чужом мире – трагедия. Но у этого человека есть внутренняя свобода и чувство собственного достоинства. Он думает и выбирает между плохим и очень плохим, но он не скован априорными ограничениями. Так я воспринимал Гамлета. Потом более грамотные люди снабдили меня менее современными, но, возможно, более адекватными интерпретациями гамлетовских монологов. Неважно. Нет единственно правильной интерпретации, и в этом тоже есть смысл.

Вместо того чтобы давать советы, признаюсь в двух вещах, для меня стыдных. Первое: я так и не прошёлся целиком через оригинал, несмотря на то что знание современного американского позволяет угадывать общий смысл, а знакомство с двумя разными переводами позволяет восстановить отдельные непонятные фрагменты. Второе: давно в последний раз смотрел сценическую постановку «Гамлета», хотя каждая новая постановка – это новая история, совсем непохожая на другие интерпретации того же сюжета. Как только появится время, постараюсь исправить обе вещи.

Алексей Вдовин, заместитель декана факультета гуманитарных наук по науке, доцент департамента истории и теории литературы

Коль скоро моя профессия – читать, обсуждать и исследовать художественные произведения, у меня не было, нет и никогда не будет одной-единственной любимой книги. В том числе и потому, что я давно отрешился от придвижания к художественной словесности и отношусь к ней инструментально и спокойно (не мне судить, хорошо это или плохо, но это факт моей биографии). Любимые книги появляются у меня каждый год – и сменяются новыми. В прошлом году роль любимой у меня исполнял замечательный роман Винифрида Зебальда «Аустерлиц», который я с усиливающимся наслаждением перечитал три раза (один из которых как раз для обсуждения со студентами). Это большая и высокая литература, которая раскрывает свой потенциал с каждым новым прочтением, и при этом ты долго не понимаешь, как это сделано: текст производит на тебя ошеломляющее впечатление. Сначала роман кажется простым, и лишь постепенно ты понимаешь, что гигантская и очень

сложная подводная часть айсберга обеспечивает иллюзию простоты и понятности.

Рекомендую этот роман всем, кто любит сложные и подчас (мелодраматические семейные истории, связанные с политическими катастрофами, – ведь это книга об истоках и страшных последствиях Холокоста.

Роман Гуляев,
старший преподаватель школы философии

Книга, которую я впервые прочитал еще в начальной школе и к которой до сих пор возвращаюсь с некоторой регулярностью, – «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Понятно, чем эта история впечатляет в детстве, – приключения, дружба, сражения, подвиги. Но что в ней можно увидеть по прошествии лет? И шире – зачем нам перечитывать книги, сюжет которых мы знаем?

Читая роман сейчас, обращаешь внимание на то, насколько неспешно развивается действие. История войны за Кольцо Всевластия, хотя и является главной сюжетной линией романа, постоянно прерывается автором, иногда в кульминационных моментах: каждые несколько страниц кто-нибудь из персонажей поет, декламирует стихи, рассказывает о героях и свершениях прошлых эпох, имеющих весьма отдаленное отношение к нынешним событиям. Порой возникает соблазн просто пролистать эти места (хорошо, что в детстве я о такой возможности не подозревал). Особенno это удивляет, если знаешь, какие трудности сопровождали первые публикации романа. Роман казался издателям затянутым, избыточным; мало того что герои проделывают весь долгий путь ногами, их движение еще постоянно замедляется отвлечеными разговорами. Толкиен не был настолько известным автором, чтобы прислушиваться к любой его причуде. Если он все же не отступил и сохранил все эти эпизоды, значит, видел в них особый смысл.

Своей бескомпромиссностью по части вставных стихов и рассказов Толкиен наводит нас на мысль: важно не только что происходит, но и где. Действие «Властелина колец» разворачивается в мире, имеющем давнюю историю, наполненную событиями и действующими лицами. Развернутые комментарии, черновики и письма Толкиена, изданные его наследниками, только дополняют и усложняют эту картину. Разумеется, сейчас, когда фэнтези посредством самых разных медиа стало частью массовой культуры, любой сможет отличить орка от назгула и знает, что волшебным кольцам доверять не следует. Но читатель середины XX века (для которого ближайшим к фэнтези бэкгра-

ундом были рыцарские романы и что-нибудь вроде «Ветра в ивах») или российский школьник середины 90-х (бэкграунд примерно тот же, дополненный разве что «Русланом и Людмилой» из школьной программы) оказывается в том же положении, что и герои-хоббиты, никогда не покидавшие пределов своей страны, а о событиях внешнего мира судившие лишь по отдаленным слухам. Нас не просто проводят через ряд локаций, выполняющих роль декорации для очередной сцены: каждое место на карте, каждый упомянутый волшебный предмет наделены историей, причем эта история может быть древнее и драматичнее основной сюжетной линии романа. Однако даже если не углубляться в такие подробности, читателя не оставляет ощущение насыщенного и цельного мира, простирающегося далеко за рамки центрального сюжета. И здесь, помимо прочего, впечатляет невозмутимость автора: Толкиен не тычет в нас всеми своими удачными находками и не подмигивает отсылками к знакомым мифологическим сюжетам. Он вообще не пытается увлечь читателя неожиданными поворотами или избавить его от «скучных» описаний, а честно показывает вымышленную вселенную такой, какой он ее видит. В итоге само Среднеземье оказывается не менее значимым героем, чем Фродо или Гэндалф – и более того, именно на его долю приходятся изменения, которые в более традиционных романах происходят с героями.

Робинзон Крузо на острове превращается из исследователя приключений в добродорядочного буржуа; Родион Раскольников находит в любви и прощении возможность примириться с внутренними демонами; герои Толкиена возвращаются из путешествия такими же, какими в него отправились, – обстоятельства и принятые решения лишь подчеркнули те качества, которые изначально были в них скрыты. Но с миром Среднеземья происходит то, о чем Фродо предупреждают с самого начала, – без Кольца Всевластия не остается и магии; мир становится нормальным, то есть лишенным чудесного. Из него уходят те черты, которые определяли его особенность и смысл; без Темного Властелина, эльфов и магов Среднеземье становится миром людей – нашим миром, каким мы его знаем. Но благодаря Толкиену мы получаем возможность увидеть в нем чуть больше.

Академическая книга

Владлен Тиморин

Школьный учебник А. В. Погорелова по геометрии. Думаю, многие из наших коллег его знают. Нынешние

школьники – скорее нет. Сейчас массовым образом применяются другие учебники – возможно, и в самом деле более приспособленные для массового образования. Впрочем, и большинство математических школ предпочитают работать с более «современными» учебниками. Одно известное мне исключение – Лицей «Вторая школа». Я слышал хорошо аргументированную критику учебника Погорелова и не собираюсь с ней спорить. Эксперты могут быть правы в том, что в среднем или в большинстве случаев подход Погорелова не работает, но я пишу не от имени среднего или большинства, а только от себя лично. Я решил, что должен стать математиком, в седьмом классе, после того как изучил первые страницы учебника геометрии. До этого я не представлял себе, что такое математика. Мне казалось, что это длинные вычисления, произведенные по тем или иным правилам. Я выводил из своей неспособности посчитать без ошибок свою неспособность к математике и думал, что стану живописцем. Мне нравились визуальные образы и нравилось рассуждать, но я никогда не любил считать (и до сих пор не люблю). И вот геометрия удивительным образом объединила точность рассуждений, которой мне не хватало в живописи, с яркостью образов, которой мне не хватало в алгебре. Погорелов начинает с аксиоматики – с самой настоящей. Эта аксиоматика, в нескольких отношениях более удачная, чем аксиоматика Гильберта, – продукт собственного научного творчества автора. Я не знаю другого примера того, чтобы школьный учебник настолько отражал научное творчество. Есть мнение, что это и не нужно. Но это уникальное ощущение, когда от автора к читателю переходит восхищение сделанным открытием, не передать через третьи руки.

Школьный учебник не может быть строгим до конца. В учебнике Погорелова присутствует *pia fraus* (благочестивый обман), за что автора сурово укоряли коллеги. Не лучше ли вообще отказаться от доказательств «очевидных утверждений», если не все очевидные утверждения удается коротко и строго доказать? Мой ответ – нет. Именно доказательства очевидных утверждений лучше всего учат тому, что такое доказательство.

Алексей Вдовин

На третьем курсе мне уже мерещилась аспирантура; я выбирал между лингвистикой и литературоведением. Решающей стала роль моего научного руководителя (Н.В. Осиповой), которая посоветовала мне прочесть исследование Ирины Паперно «Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпо-

хи реализма», которое вышло в США в 1988 году и в 1996-м было переведено на русский. К тому времени я уже начинал серьезно заниматься русской прозой и культурой середины XIX века, и эта книга настолько изменила мое представление о якобы плохом романе «Что делать?», что я долго носился с ней и рассказывал своим однокурсникам и даже родителям, как надо понимать роман и судьбу его автора. Мне кажется, причина такого воздействия в том, что мне и ранее, и сейчас наиболее симпатичны гуманитарные исследования, которые не только описывают, но и объясняют, т.е. отвечают на вопрос не только «как», сколько «почему». Таких исследований в литературо-ведении всегда было и есть на порядок меньше, чем в других науках, но все же они встречаются.

Роман Гуляев

Не могу сказать, что решение заниматься наукой пришло в результате прочтения какой-то одной книги, но могу сказать, в какой книге я встретил самый близкий для себя образ ученого. Это «Имя розы» Умберто Эко – его дебютный роман, который принято рассматривать чуть ли не как эталон постмодернистского произведения, но который при этом пронизан совершенно неироничной любовью к Средневековью. Поместив действие в начало XIV века, в один из тех годов, про политические и военные события которых в хрониках оставались заметки «Ничего не было», Эко так или иначе включает в повествование всех крупнейших интеллектуалов эпохи – Фому Авиннского, Марсилия Падуанского, Уильяма Оккама, Роджера Бэкона, даже Данте Алигьери. При этом атмосфера внутри стен уединенного пьемонтского монастыря, где разворачивается сюжет, меньше всего напоминает утопическую «Республику ученых». Внешний мир постоянно напоминает о себе – через борьбу Рима и Авиньона, папы и императора, вдохновленные мистицизмом и бунтарством народные движения. С одной стороны, Эко убедительно рисует интеллектуальный портрет эпохи, где богословский спор о бедности Христа подразумевает вопрос о светских притязаниях церкви. С другой – изнанку политических процессов, которые в гораздо большей степени состоят из долгих рутинных переговоров, чем из ярких военных кампаний и битв.

И в центр этой истории помещен Вильгельм Баскервильский – персонаж, в котором сконцентрированы, кажется, все клише героя-расследователя: всесторонняя образованность и открытость новому, остроумие и самокритичность, а главное – абсолютно сократовское стремление к истине, без оглядок

на политический интерес. При этом Вильгельм – совсем нетипичный герой: его догадки, как правило, запаздывают; предлагаемые им схемы работают не сразу и не всегда так, как задумывалось; ему никого не удается спасти, а финальная катастрофа – результат его действий в не меньшей степени, чем его антагониста. Вильгельм плохо справляется с задачей поимки преступника и всего лишь чуть лучше других раскрывает тайны. Зато ему блистательно удается формулировать и уточнять проблемы – в сущности, именно это постоянно замедляет и перенаправляет проводимое им расследование. И если самые известные герои-детективы – сыщики, которые притворяются учеными, то Вильгельм – ученый, который с переменным успехом выполняет обязанности сыщика. Но наиболее саморазоблачительным для Эко-ученого оказывается финал романа: история рассказана, тайны раскрыты, истина обнаруживает себя в отдельных знаках. Но сложатся ли когда-нибудь эти знаки в слова – неизвестно, рассказчик чувствует лишь усталость и холод скриптория, в котором дописывает свою рукопись. Возможно, это не самое радостное, зато одно из самых честных описаний результата научного поиска. Но его предваряет увлекательнейшее описание предшествующего пути. Что из этого важнее – каждый, наверное, решает для себя.

Книги и студенты

Владлен Тиморин

Честно говоря, раньше я никогда не разбирал никаких книг на учебных занятиях. Почему-то в нашем преподавательском коллективе не принято так делать. В этом, мне кажется, мы глубоко неправы. Мы не разбираем учебников, потому что у нас оригинальные авторские курсы, а записи лекций, которые мы готовим, позволяют студентам избежать прочтения сотен ненужных страниц. Но на самом деле непрочитанные сотни страниц могли бы оказаться нелишними. Мы не разбираем первоисточников, поскольку последние достижения науки позволяют изложить теорию формально проще. Но формальная простота не заменяет наглядную интуицию, а чаще даже противоречит ей. А еще формальная простота скрывает те сложности, которые испытывал первооткрыватель.

Я и тут собираюсь исправиться и планирую курс, посвященный разбору одной замечательной книги – «Лекции о развитии математики в XIX столетии» Феликса Клейна. Моя основная цель – помочь студентам с прочтением этого произведения. Работа одного из ключевых творцов математики XX века, жившего на рубеже XIX-XX веков, представляет интерес не только с точки зрения истории науки. Владимир Арнольд писал, что узнал больше математики из этих лекций Клейна, чем из всех учебников по математике вместе взятых. При такой глубине содержания, разумеется, необходима серьезная самостоятельная работа, чтобы до этого содержания дойти и его освоить. С другой стороны, у Клейна есть внешний пласт, состоящий из забавных историй и биографий ученых, благодаря которому книга читается как увлекательный роман. Очень хотелось бы надеяться, что студенты будут читать Клейна и получать хотя бы поверхностное представление об изложенных сюжетах, а мы потом на семинарах будем копать вглубь. Клейн умело показывает самую суть, главную идею математического открытия, в то время как современные изложения часто скрывают эту главную идею.

Алексей Вдовин

И снова: нет такой единственной. Каждый год я разбираю со студентами около десятка ключевых, с моей точки зрения, и художественных, и научных книг, без которых невозможно серьезно заниматься исследованиями литературы. Более того, выбор ключевой книги зависит от курса, какой я читаю. Ведь универсальной книги, подходящей на все учебные и научные случаи, не существует. Хотя, пожалуй, чуть чаще, чем другие, мы разбираем знаменитую статью Пьера Бурдье «Поле литературы» (переросшую у него в книгу «Правила искусства», к сожалению до сих пор не переведенную на русский), которая позволяет взглянуть на литературу с непривычной, экономической точки зрения – как на силовое поле, в котором происходит непрерывная циркуляция разных типов капитала. Статья эта полезна тем, что хотя и не объясняет всего на свете (так в гуманитарных науках не бывает), но прививает тебе умение системно и диалектично смотреть на единичные феномены, которые всегда кажутся уникальными, т.е. видеть за деревьями лес.

Выпускается НИУ ВШЭ. Редактор Сергей Матвеев.

Материалы подготовлены при участии Владимира Селивёрстова.

Контакты: okna@hse.ru, (495) 772 9590, доб. 12-677. Дата выпуска: 28.11.2019.

Подписаться на рассылку можно здесь: <http://okna.hse.ru/subscribe>